

JEWISH VITALITY AND SELF-IDENTITY

DOI 10.15826/qr.2021.4.633

УДК 322+323:39(=411.16)+26-32+94(470.54-25)

«Я знала, что Машиах должен прийти»: еврейская праздничная обрядность в условиях советского города*

Елена Главацкая

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Елизавета Заболотных

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

“I Knew that Messiah Had to Come”: Jewish Festive Rituals in a Soviet City

Elena Glavatskaya

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Elizaveta Zabolotnykh

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The ethnic mobilisation that has unfolded throughout post-Soviet territory cannot be understood without a thorough examination of the preservation and transmission of ethnic identity in Soviet times. Despite the vast historiography devoted to studying various aspects of Jewish identity during the Soviet period,

* *Citation*: Glavatskaya, E., Zabolotnykh, E. (2021). “I Knew that Messiah Had to Come”: Jewish Festive Rituals in a Soviet City. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 4. P. 1169–1186. DOI 10.15826/qr.2021.4.633.

Цитирование: Glavatskaya E., Zabolotnykh E. “I Knew that Messiah Had to Come”: Jewish Festive Rituals in a Soviet City // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 4. P. 1169–1186. DOI 10.15826/qr.2021.4.633 / Главацкая Е., Заболотных Е. «Я знала, что Машиах должен прийти»: еврейская праздничная обрядность в условиях советского города // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1169–1186. DOI 10.15826/qr.2021.4.633.

religiosity has rarely been an object of research. The purpose of this study is to identify religious practices that continued to exist among the Jewish population of Sverdlovsk until 1961, when the synagogue was closed. The authors refer to reports of the commissioners for Religious Affairs and data obtained during field research. They try to find out the extent and form of preserved calendar rituals, and what went missing from the daily life of the Sverdlovsk Jews. The research demonstrates that the religious community in the 1950s reached 500 people, or about 3 % of the entire Jewish population in the city. In the synagogue, a larger number of parishioners gathered during Passover, Yom Kippur, Rosh Hashanah, and Sukkot. Fewer believers attended Hanukkah, and Purim generally went unnoticed by the commissioner for Religious Affairs. The recollections of the informants about holidays (mainly Passover and Purim) are peculiarly and uniformly associated with the description of meals. This is due to the post-war hunger and the age of the informants; they were all children, for whom delicious food was the most important component of any holiday. The results obtained make it possible to assert that the festive rituals of Sverdlovsk Jews continued to be preserved even in non-religious families, albeit in a limited form, throughout the 1940s and 1950s, thus reinforcing their identity.

Keywords: Soviet Jews, Judaism, calendar rituals, synagogue, oral history, Sverdlovsk

Феномен этнической мобилизации, развернувшейся на всем постсоветском пространстве, невозможно понять без изучения форм сохранения и трансляции этнической идентичности в советское время. При всей обширности историографии, посвященной изучению еврейской идентичности в советский период, сюжеты, связанные с религиозностью, редко становились объектом исследований. Цель работы – выявить религиозные практики, которые продолжали существовать в среде еврейского населения Свердловска до 1961 г. – времени закрытия синагоги. В качестве источников использованы отчеты уполномоченного по делам религиозных культов и данные, полученные в ходе полевых исследований среди жителей города. Авторы постарались выяснить, насколько сохранялась и в какой форме помнится календарная обрядность, а что ушло из повседневной жизни свердловских евреев. В результате проведенных исследований было установлено, что численность религиозной общины в 1950-е гг. достигала 500 чел., что составляло около 3 % от всего еврейского населения города. При этом еврейская религиозная община Свердловска являлась самой крупной и активной во всей области. В синагоге большее число прихожан собиралось на Песах, Йом Кипур, Рош ха-Шана и Суккот. Меньше верующих приходило на Хануку, а Пурим вообще остался незамеченным для уполномоченного по делам религиозных культов. Особенность воспоминаний информантов о праздниках (в основном о Песахе и Пуриме) – то, что все они связаны с описанием угощений. Это объясняется рядом факторов: обстоятельствами послевоенного голодного времени; возрастом информантов – все они были детьми, для которых вкусная еда являлась важнейшей составляющей любого праздника; уходом традиции в при-

ватную сферу домашних застолий; стремлением старших родственников оградить детей от угроз, связанных с возможными обвинениями в религиозности. Полученные результаты позволяют утверждать, что праздничная обрядность, продолжая сохраняться даже в нерелигиозных семьях, хотя и в ограниченном виде, на протяжении 1940–1950-х гг. подпитывала еврейскую идентичность.

Ключевые слова: советские евреи, иудаизм, календарная обрядность, синагога, устная история, Свердловск

1990-е гг. ознаменовались этнической мобилизацией на всей территории бывшего Советского Союза, проходившей под знаменем религиозного возрождения. В значительной степени оно сопровождалось реставрацией элементов религиозности, частично или полностью утраченных еще до или во время антирелигиозной политики. Историки и религиоведы, откликнувшись на этот вызов, в основном анализировали процесс изменения религиозного ландшафта страны, ее отдельных территорий и деноминаций. При этом интерес фокусировался большей частью на переходных периодах, связанных со сменой политики в отношении религий: этапах разрушения религиозных институтов и процессе их восстановления. Что касается положения религиозных сообществ в условиях атеистической государственной политики, то этот сюжет оказался наименее проработан и наименее обеспечен источниками. Значительная их часть создавалась в рамках профессиональной деятельности служб, основной задачей которых была борьба с религией, что в конечном итоге сделало их малодоступными для исследователей. Поиск альтернативных источников информации связан со сбором устной истории, активным использованием эго-документов и предметов материальной культуры, являющихся свидетельством манифестации религиозности людей в условиях, когда она создавала угрозу благополучию не только самих верующих, но и их родных. Этот поиск осложняется рядом обстоятельств: многие из тех, кто пострадали в годы атеистических кампаний, сделали все возможное, чтобы материальные свидетельства их религиозной принадлежности не сохранились; носители традиций не афишировали их в присутствии детей. Таким образом, ушедшее из жизни поколение не смогло передать традиции в полном объеме, и это естественно ограничивает информационный потенциал сведений, получаемых методами устной истории от тех, чье детство пришлось на советское время.

Дополнительной проблемой при сборе устной истории в среде еврейского населения является то, что религиозность этих людей в наибольшей степени была подвержена модернизации уже в первой половине XX в., что отразилось в феномене смены религии, секуляризации, распространении смешанных браков [Tolts]. Значительная часть евреев в ходе вынужденных переселений оказалась оторванной от традиционного религиозного ландшафта; наконец, советское

еврейство не было гомогенным, а состояло из различных этноконфессиональных групп, каждая из которых имела свое самосознание и бытовые практики, порой более близкие населению, рядом с которыми данная группа проживала.

Работы, посвященные идентичности советских евреев, в основном фокусируются на изучении аспектов, не связанных с религиозностью¹, что логично. Исследование, проведенное Еврейским научным центром в 1991–1993 гг. в Москве, Петербурге и Екатеринбурге, показало, что иудаизм утратил свою системность и лишь отдельные символы позволяли сохранять память о религии. При этом в Екатеринбурге процент верующих евреев был самым низким – 3 % от всех, кто считали себя евреями [Гительман, Червяков, Шапиро]. Тем интереснее представляется задача попытаться реконструировать то немногое, что сохранялось в годы, когда религия и этничность евреев являлись объектами дискриминации. Данная статья посвящена реконструкции элементов религиозных практик еврейского населения Свердловска до 1961 г. – времени официального закрытия синагоги. Целью исследования было выявление традиций, которые продолжали существовать в советское время. В качестве источников привлечены делопроизводственные архивные документы. Для реконструкции религиозных практик горожан использованы доклады уполномоченного по делам религиозных культов по Свердловской области, сохранившиеся в ЦДООСО, а также сведения, полученные в ходе полевых исследований в Екатеринбурге в 2018–2020 гг. Все интервью вошли в соответствующий фонд личного архива Е. Заболотных (далее – ЛАЕЗ). При цитировании имени тех информантов, которые попросили сохранить их анонимность, были изменены. В качестве источников были также использованы фотографии и предметы религиозного культа, являвшиеся свидетельством сохранения религиозности в некоторых семьях горожан.

Еврейское население Екатеринбурга – Свердловска²

Еврейская религиозная община начала формироваться в Екатеринбурге в конце 1870-х гг. в связи с появлением постоянного иудейского населения. До этого присутствие представителей иудаизма в городе законодательно ограничивалось из-за его особого горнозаводского статуса. Исключением было размещение кантонистов и военнослужащих Оренбургского линейного батальона с 1843 по 1858 г. Молодые иудеи, оказавшиеся далеко за пределами черты оседлости, в условиях незнакомого этнокультурного окружения часто привлекались к работам, напрямую не связанным с прохождением воинской

¹ См., например, анализ отечественной историографии в работе [Носенко-Штейн].

² Город Екатеринбург был переименован в 1924 г. в честь революционного деятеля Я. М. Свердлова. В 1991 г. городу было возвращено историческое название.

службы, и многие использовали возможность обучиться новому для себя ремеслу военного музыканта, сапожника, портного или цирюльника. Они имели право соблюдать часть религиозных предписаний и практик, что позволяло им сохранить этнорелигиозную идентичность [Главацкая, Заболотных, 2018; Заболотных, Главацкая].

Значительный приток иудеев на Урал в начале 1880-х гг. был связан с погромами, прокатившимися по западным губерниям империи. Религиозность беженцев, и без того высокая в силу традиций, сохранявшихся в поселениях черты оседлости, вероятно, еще более усиливалась в условиях вынужденного переселения. Социальная адаптация и поддержка беженцев-евреев на новом месте изначально осуществлялись в основном через религиозные каналы. Поскольку екатеринбургское сообщество иудеев значительно уступало по численности общинам Урала и Западной Сибири, положение мигрантов-иудеев в городе в большей степени зависело от их готовности к адаптации в новых условиях и к ассимиляции. К началу Первой мировой войны в Екатеринбурге сформировались все основные институты иудаизма: появились постоянно действующая синагога в арендованном помещении, миква, институт раввината, собственные метрические книги, фиксирующие историю развития городской общины, благотворительные организации [Главацкая, Заболотных, 2017]. Во время Первой мировой войны число представителей иудаизма в городе постоянно росло за счет беженцев и вынужденных переселенцев. Они активно боролись за возможность ведения полноценной религиозной жизни, а изменение политического строя в 1917 г. позволило начать строительство синагоги, однако Гражданская война не дала возможности реализовать этот план.

Условием деятельности религиозной организации в советское время была ее регистрация, а также регистрация актива, на что верующие шли крайне неохотно. Так, согласно спискам, предоставленным религиозным еврейским обществом в 1922 г., в нем состояло всего 36 мужчин, а в 1925 г. – 218 мужчин и 49 женщин (всего 267 чел.) [ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 2. Л. 66 об. –84]. Если учесть, что уже по переписи 1920 г. в городе было зарегистрировано 3 605 евреев, то получается, что в приход синагоги их входило менее 7 %. Поскольку невозможно предположить, что процесс секуляризации зашел так далеко уже в 1920-е гг., единственное рациональное объяснение низкой численности общины – недоучет верующих. Репрессии, прокатившиеся по стране в 1930-х гг., обезглавили свердловскую синагогу, лишив ее раввина и многих членов актива, обвиненных в участии в контрреволюционной повстанческой организации [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18903/19887, 20684/22890]. Несмотря на это, синагога в городе продолжала действовать, собирая верующих на субботнюю молитву и праздники. В годы Второй мировой войны численность еврейского населения города еще более увеличилась за счет эвакуированных и беженцев (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности еврейского населения Екатеринбурга/
Свердловска по материалам переписей и городских обследований**

Год	Численность еврейского населения	% от всего населения
1897	303	0,7
1913	Не менее 1 453	1,6
1920	3 605	4,1
1926	3 988	2,9
1939	7 952	1,9
1959	15 894	2

Сост. по: [Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 126; Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г., с. 23–24; Всесоюзная перепись населения 1926 года; Всесоюзная перепись населения 1939 года; Екатеринбург от переписи к переписи, с. 39].

В годы войны, помимо синагоги, в городе действовало и молитвенное здание на кладбище. Одна из информантов, которой в 1941 г. исполнилось восемь лет, вспоминала:

Мы жили с бабушкой... На кладбище домик был, как украинская хата, маленький, горели свечи внутри. Было небольшое возвышение у стены, там был какой-то священник с бородой, шапочка еврейская. Скамейки почти впритык. Бабушка меня таскала. Тогда много было людей, потерявших своих родственников. Это были люди преклонного возраста. Мужчины и женщины сидели отдельно. Он там что-то говорил, я совершенно не знаю еврейский. Многие кланялись, бабушка платком слезы вытирала [ЛАЕЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3].

В мае 1944 г. в стране был создан Совет по делам религиозных культов для осуществления связи между правительством и руководителями неправославных религиозных объединений. На местах создавались номенклатурные должности уполномоченных по делам религиозных культов, по статусу приравненных к должности заведующего отделом облисполкома. Уполномоченный по делам религиозных культов по Свердловской области занимался сбором информации о составе и деятельности религиозных общин, о количестве проведенных обрядов, интересовался политическими взглядами руководителей общин и т. д. Их отчеты позволяют реконструировать численность верующих-евреев и их участие в проведении религиозных праздников в Свердловске в 1940–1950-е гг. (табл. 2).

Таблица 2

**Число зарегистрированных верующих и посещаемость
свердловской синагоги³**

Параметры	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954
Численность прихода	450	400	350	300	350	500	500	500
Пасха	350	300	260	250	240	230	300–350	300–350
Слэхот ⁴	80	60	50	40	50	60	50	50
Рош ха-Шана	300	280	270	250	380	400	400	350
Иом-кипур	350	300	260	250	400	500	500	550
Сукес (кущи)	150	100	80	60	70	300	200–300	200
Ханука	60	40	30	25	20	–	40	30–35
Суббота	50	45	35	25	16	60	60–70	60–70
Ежедневная молитва	12	12	11	10	14	20	15–25	15–25

Сост. по: Отчет уполномоченного за 1954 г. [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 82].

Из приведенных данных видно, что численность прихожан свердловской синагоги постепенно снижалась в послевоенные годы, как и число участвовавших в праздничных мероприятиях. Это был естественный процесс, если учесть отток эвакуированных на места прежнего жительства, уход старшего поколения и снижение религиозности среди молодежи. Рост численности прихожан и их активность в проведении календарных обрядов начиная с 1952 г. можно объяснить появлением в городе нового раввина М. З. Опенштейна, переехавшего из Перми. Уполномоченный В. И. Рупасов⁵ характеризовал его как человека волевого, имевшего высшее духовное образование и огромный опыт работы, – он более 40 лет занимал должность раввина [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 59]. В разговоре с уполномоченным М. З. Опенштейн пытался выяснить, не изменилось ли отношение партии к религиям

³ Название праздников воспроизведено по источнику.

⁴ Молитвы, читаемые в течение недели, предшествующей Рош а-Шана.

⁵ Биография уполномоченного по делам религиозных культов Владимира Ивановича Рупасова, сменившего на этом посту в 1954 г. Ф. А. Березина, имеется в публикации [Федорова].

в связи со смертью И. В. Сталина [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 76]. Беспокойство раввина, как показало дальнейшее развитие событий, оказалось не напрасным. Смена руководства страной привела и к резкой смене политики в отношении религии: возобновилась борьба с «религиозными пережитками» и активизировалась антирелигиозная пропаганда. Для свердловских евреев-верующих этот процесс завершился закрытием синагоги в 1961 г. Согласно сведениям уполномоченного, самое большое число верующих собиралось в синагоге на праздники Песах, Рош ха-Шана и Йом Кипур. На последний в 1951 и 1954 гг. людей пришло даже больше, чем было зарегистрировано в общине. Возможно, это было связано с тем, что на праздники приезжали евреи из других городов. Вместе с тем, в отчете уполномоченного нет упоминаний об осеннем еврейском празднике Симхат Тора, знаменующем окончание годичного цикла чтения Торы и одновременно начало нового цикла, а также о весеннем празднике Пурим, в который принято собираться в синагоге для молитвы и чтения свитка Эстер. Данные о проведении в 1952 г. Хануки по непонятной пока причине также отсутствуют.

По мнению уполномоченного, свердловская еврейская община была немногочисленной, поскольку религиозная составляющая идентичности городского населения была характерна лишь для незначительной части представителей старшего поколения евреев. При этом уполномоченный подчеркивал, что это была одна из самых крепких общин Свердловской области [Там же. Л. 60].

Праздничная обрядность свердловских евреев

Еврейский календарь включает несколько основных праздников: это Рош ха-Шана, Йом Кипур, Суккот, Симхат Тора, Ханука, Пурим, Песах⁶. Поскольку советское законодательство запрещало детям участвовать в общественных религиозных мероприятиях, то их воспоминания относятся лишь к семейным практикам, а детальность напрямую зависит от степени религиозности старших родственников. Характерной особенностью записанных воспоминаний о праздниках явилось то, что практически все они были связаны с описанием угощений. Это объясняется обстоятельствами времени (послевоенный голодный период) и возрастными характеристиками информантов – все они были детьми, для которых важнейшей составляющей любого праздника является вкусная необычная еда.

Осенне-зимний цикл: Рош ха-Шана, Йом Кипур, Суккот, Ханука. Судя по отчету уполномоченного по делам религиозных культов, он старался детально следить за состоянием праздничной культуры евреев, знал даты проведения праздников и их содержание. Как ни парадоксально, но отчеты уполномоченных были основаны на сведениях, полученных ими в ходе «полевых исследований» с применением

⁶ О еврейских календарных праздниках см. гл. 8 в коллективной монографии «Евреи» [Амосова, Каспина].

методов наблюдения и интервьюирования, поэтому информация из этих документов также включена в данный раздел. По оценке уполномоченного, «осенние еврейские религиозные праздники в текущем году [1954] прошли довольно скромно и малозаметно... особой подготовки к проведению праздников свердловской синагогой не проводилось...». Накануне праздника Рош ха-Шана⁷, который пришелся в 1954 г. на 28 и 29 сентября, уполномоченный зашел в синагогу, побеседовал с раввином М. З. Опенштейном о предстоящем торжестве и смог убедиться, что «радиоустановок и украшений снаружи и внутри здания не было». Согласно полученным сведениям, «приглашений на праздник синагога не рассылала и денег за места в молельном зале не взимала». Приход синагоги, по его наблюдениям, на 60–65 % составляли пожилые женщины; прихожан в возрасте от 25 до 40 лет было всего 1–2 %, более молодых не было совсем. На праздник приехали три человека из Молотова (современной Перми) и по одному – из Нижнего Тагила и Челябинска. Согласно отчету уполномоченного, готовясь к празднику Суккот в 1954 г., раввин «выписал из Крыма несколько веток пальмы и цитрусовых плодов (цитрон)»⁸, а «в сенях синагоги» была отгорожена «небольшая площадь, крыша под которой была поднята и покрыта травами (вениками). В этой комнате (шатре)⁹ ежедневно (с 12 по 19 октября) утром и вечером принимали пищу 10–12 стариков из числа наиболее религиозно настроенных верующих. Кроме этого, подобные шатры устраивались по городу Свердловску в 2–3 квартирах верующих евреев (в т. ч. у раввина)» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 100–101].

В ходе проведения полевых исследований в 2018 г. были получены сведения о том, что один из шалашей для праздника Суккот ежегодно устанавливался во дворе дома Герша Боровика, исполнявшего обязанности раввина в Свердловске в 1948–1952 гг. Заботы о соблюдении религиозных предписаний на новом месте влияли на выбор места жительства переселявшихся в Свердловск евреев. По воспоминаниям М. А. Боровик, ее дедушка с бабушкой, Герш и Стера Боровик, переехали в Свердловск в 1930 г. из г. Прилуки Полтавской губернии и поселились на улице 9 Мая, дом 56. При выборе дома для раввина было важно, чтобы в нем была русская печь, чтобы печь мацу на праздник Песах, и был дворик, где можно было бы отмечать Суккот (Праздник Кущей). В этот осенний праздник, согласно иудейской традиции, верующие должны на семь дней переселиться во временное жилище (сукку) в память об обстоятельствах, связанных с исходом евреев из Египта, когда они на пути в Землю обетованную спали и ели в пустыне, под открытым небом. В памяти Марии Абрамовны сохранилось то, что ее

⁷ Рош ха-Шана (Голова года), известный как еврейский Новый год, празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей по еврейскому календарю.

⁸ Цитрон и листья финиковой пальмы, так же как два других растения, мирт и ива, необходимые атрибуты праздника Суккот.

⁹ Имеется ввиду сукка – шалаш, который принято устанавливать во время праздника Суккот.

дедушка строго соблюдал эту традицию: несмотря на погоду, оставался в построенной рядом с домом сукке, а его супруга приносила ему туда все необходимое. «Я помню, – рассказала она в интервью, – бывало, заметет все сугробами... а он в любую погоду, а там же холодно, а бабушка несет ему туда [еду]... Там у него и свечи, и рыба, и что надо... Молится, сидит на этом морозе» [ЛAEЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3].

Завершает цикл осенне-зимних праздников Ханука, отмечаемая евреями в память о чуде, случившемся после победы восстания Маккавеев и возобновления служения в Иерусалимском храме. Согласно традиции, храмовый светильник с объемом масла, достаточным только на один день, чудесным образом горел восемь дней, пока жрецы храма не приготовили новое масло. В этот праздник принято зажигать восьмисвечник – ханукию: в первый день – первую свечу, добавляя по одной в каждый последующий день, пока их число не достигнет восьми. Единственное свидетельство о том, что Хануку в Свердловске отмечали в советское время, – краткая информация из интервью с М. А. Боровик. Возможно, печальные события, произошедшие в этот день в ее семье, перекрыли воспоминания о самом празднике: ее дедушка скончался именно в Хануку. Марина Абрамова вспоминала об этом так:

Была Ханука, потому что он [Герш Боровик] умер в декабре, я как сейчас все помню, у нас у дверей висела [ханукия], свечи в масляном светильнике, которые он зажигал, а как раз уже был конец Хануки... и он стоял, зажигал свечку... [Там же].

По воспоминаниям М. А. Боровик, ханукальные свечи в доме ее бабушки в 1961 г. были установлены около дверного проема – именно так, как и предписывает Устная Тора. Впоследствии распространилась практика ставить ханукию на окно или на стол.

Важным элементом праздничной обрядности является внесение цдаки – пожертвования в пользу бедных. Так, в дни осенних праздников в 1954 г. синагога, согласно подсчетам уполномоченного, получила до 13 тыс. руб. дохода, большая часть которых была внесена верующими 6 октября – в канун Йом Кипур¹⁰. «Раввин синагоги [М. З. Опенштейн] в каждый из прошедших праздников наряду с чтением молитв произносил проповеди на тему праздника», кроме этого, «читал здравицу за советское правительство и молитву за мир» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 82, 101].

Весенние праздники Пурим и Песах. Воспоминания о весеннем еврейском празднике Пурим, отмечавшемся в послевоенном Свердловске, связаны с угощением гоменташен – сладкими треугольными пирожками, чаще всего с маковой начинкой, которые информанты называют «уши Амана»¹¹. Пурим основан на сюжете еврейской истории из Книги

¹⁰ Йом Кипур – пост, который длится более суток.

¹¹ О трансформации «пирожков с маком» в «уши Амана» в результате тесных немецко-еврейско-русских связей см.: [Дымшиц].

Эстер, в которой описан подвиг еврейской женщины, спасшей свой народ от уничтожения в годы правления Ахашвероша¹². Воспоминания свердловчанина 1946 г. р. о праздновании Пурима относятся, вероятно, к 1950-м гг.: «Помню, мы были на празднике у бабушки с дедушкой, бабушка пекла специальные булочки с маком» [ЛАЕЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5]. А по воспоминаниям Григория Сладкевича (1950 г. р.), которые можно хронологически отнести ко второй половине 1950-х – началу 1960-х гг., его мама также пекла «треугольные булочки». Семья была небогатой, поэтому в качестве начинки использовалось все, что было в доме сладкого, чаще всего варенье: «Жили бедно, какое-то варенье туда складывала, соседки ходила угощать» [Там же. Д. 7].

Самые яркие воспоминания сохранились о празднике Песах, который отмечали все принявшие участие в интервью информанты, однако наиболее детально о нем рассказала внучка раввина Герша Боровика. Судя по ее рассказу, русская печка очень пригодилась для выпекания мацы. К ним в дом приезжало по несколько женщин, они вместе раскатывали тесто, закладывали заготовки в печь и, закончив, забирали готовую мацу по домам. М. А. Боровик вспоминала:

Приходили женщины... кто-то мотал, их было несколько человек. Ее [мацу] туда [в печь] закидывали и вынимали. Женщины себе сделают и увезут, а у дедушки была маца-шмура¹³, такая толстая. Он ее положит, когда праздник Пейсах¹⁴ был [Там же. Д. 3].

К празднику тщательно готовились: необходимо было прибрать весь дом, чтобы не оставалось хлебных крошек, доставали специальную посуду, которую не использовали в течение года. Праздничный ужин (седер¹⁵) включал набор предписанных традицией продуктов, каждый из которых служил напоминанием о событиях, изложенных в Книге Исхода. В семье свердловского раввина, по воспоминаниям его внучки, эта традиция соблюдалась в полной мере, а некоторые детали запечатлелись в ее памяти на всю жизнь:

Я всегда не могла смотреть, как надо этот хрен съесть с этой шмурой [мацей]... у него [раввина] прям слезы текли... <...> Этот хрен должен слезы вызвать. Надо вспомнить о разрушенном храме и заплакать [Там же. Д. 3, 4].

Непременным атрибутом праздничного седера было вино, которое раввин делал сам. Его внучка не только наблюдала, но и отчасти принимала участие в обрядовых действиях. Согласно еврейской мифологии,

¹² Артаксеркс – персидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 465–424 гг. до н. э.

¹³ Маца-шмура («сохранная») готовилась из муки, на которую использовалось зерно, бережно охраняемое от соприкосновения с водой.

¹⁴ У ашкеназских евреев было принято произношение Пейсах.

¹⁵ Седер – особо установленный порядок действий, чтения молитв, еды и питья за праздничным столом.

на Песах в каждый дом должен прийти Элияху (Илья Пророк). Его появление – предвестник прихода Машиаха (мессии). Свято веря в приход Элияху, внучка раввина сначала наблюдала, как ее дедушка готовил кошерное вино, как ставили специальный поднос, разливали вино по рюмочкам. В определенный момент она шла открывать дверь пророку:

Я открывала двери, знала, что Машиах должен прийти, и вставала у стола. Мне надо было видеть, [когда пророк придет и отопьет вино из приготовленного для него бокала] на этом столе. Сколько лет, а я все помню. Все украшение этого подвала был этот стол... Все очень красиво, особенно в Пасху [Песах]. Бабушка такую красивую отдельную посуду выставляла. Отдельный был у нее сундук... Когда дверь открою, я подходила и смотрела, уменьшилось ли [количество вина в рюмке], надо было выпить этому Машиаху вина. И вот я [замечала], сколько-то там отпил, [на] столько-то меньше стало. Потом закрывала [дверь] [Там же. Д. 3].

По воспоминаниям одного из информантов 1946 г. р., в конце 1950-х – 1960-е гг. вся их многочисленная семья участвовала в приготовлении мацы:

...Сами мацу пекли. Мацу пекли дома. Дома была русская печь, там собиались все родственники. Один катал, другой роликот крутил – дырки делал [чтобы поверхность мацы была ровной]. Накладывали на лопатку мацу и садили в печку. Все братья и сестры, все в одно время пекли мацу. У нас была большая семья: у папы было три брата, у них жены, сестры и братья, все участвовали в изготовлении мацы. Я все это видел. Сначала мука, потом вода, все это размешивали, потом раскатывали. Папа все время шестеренкой накатывал дырки и, по-моему, в печку клал [Там же. Д. 5].

Праздник семья отмечала в доме дедушки:

Я в школе учился... 1950-е гг. Помню какой-то праздник... Мы всегда к дедушке на праздники ходили. Он читал по книге молитву¹⁶, пили виноградный сок, он сам вино виноградное делал. И потом, когда начиналась молитва, открывали двери и снимали [отливали из бокала] какую-то часть вина¹⁷... Кнейделы¹⁸ делали из мацы [Там же].

Однако не у всех была возможность испечь мацу. Так, по воспоминаниям Г. Сладкевича, которые можно отнести к 1950-м – началу 1960-х гг., его папа [Илья Михайлович] приносил домой уже готовую:

Мацу помню, отец откуда-то притаскивал, квадратную. В тряпочке приносил откуда-то... Мацу я хорошо помню. Отец ее приносил и что-то там над ней колдовал, но что, я не помню [Там же. Д. 7].

¹⁶ Обязательным элементом седера является чтение Агады.

¹⁷ Во время седера перечисляют десять «казней египетских», после каждой отливают из бокала с вином несколько капель.

¹⁸ Традиционные фрикадельки (клецки).

Возможно, Илья Михайлович Сладкевич приносил мацу из синагоги, где еще в 1940-е гг. была установлена «машинка» для ее производства. Согласно отчету уполномоченного за 1948 г., выпечка мацы в синагоге производилась почти в течение месяца «с 20 марта по 22 апреля», и на нее было израсходовано 3634 кг муки. В производстве участвовали 22 человека, в том числе староста общины Шуб и раввин Герш Боровик. Мастерская по производству мацы имела дополнительно штат из девяти человек, включавший водовоза, истопника, уборщиц, «трамбовщика», «крутильщика» и «палочников» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 196. Л. 197–198].

Владимир Ильич Эккельман (1924 г. р.), видимо, имел в виду именно эту машину по выпечке мацы в своем рассказе про маму:

...Все соблюдала, она была неверующая, но традиции все соблюдала, у нас была отдельная пасхальная посуда... в Свердловске была маленькая синагога на Куйбышева – деревянный домик около дороги... <...> Там была машинка для выпечки мацы, и я для матери отвозил на саночках туда муку. Мы жили на ВИЗе¹⁹, я был студентом еще [1948–1949 гг.]... Там [читали] молитвы, посещали верующие синагогу, было небольшое помещение и отсек, где пекли мацу. Привозили туда муку, а через неделю приезжал и забирал мацу... Был зал, ну или как это называлось... кухней не назовешь ведь, печь и машина для раскатки [ЛАЕЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8] (ил. 2).

2. Здание синагоги на ул. Куйбышева (г. Свердловск). Фрагмент фото 1932 г.
ГАСО. Ф. Р-2817. Оп. 2. Д. 463

The building of the synagogue in Kuibyshev Str. (Sverdlovsk). Fragment
of a photograph. 1932. GASO. Stock R-2817. List 2. Dos. 463

Мацы, испеченной в синагоге, все-таки не хватало, поскольку, согласно отчету уполномоченного по делам религии В. И. Рупасова за 1954 г., раввин М. З. Опенштейн обращался к нему с просьбой начать изготовление мацы на городских предприятиях, выпекающих хлебобулочные

¹⁹ ВИЗ – Верх-Исетский завод.

изделия. Рупасов предложил раввину самому обратиться в местные организации и параллельно разъяснил заведующему горторготделом, что «маца является необходимым продуктом питания и не может быть отнесена к предметам культа». Это обстоятельство, однако, не помогло: горторготдел отказался выпекать мацу «по мотивам отсутствия свободных печей на хлебозаводах города». В. И. Рупасов явно симпатизировал верующим, понимая, что в дни Песаха из хлебобулочных изделий они могли употреблять в пищу только мацу. В своем отчете по поводу отказа в содействии еврейской общине он добавил: «По моему мнению, такой ответ горторготдела являлся перестраховкой, боязнью, как бы чего не вышло» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 74].

Если учесть, что некоторые семьи выпекали мацу самостоятельно дома, то можно предположить, что очень многие евреи-свердловчане старались соблюдать эту традицию, и употребление мацы на Песах было одним из символов еврейской идентичности не только для взрослых, но и для детей и молодежи. При этом религиозная составляющая праздника для них не всегда была актуальной. В домашнем архиве Б. Е. Мурманского (1964 г. р.) сохранилось уникальное фото начала 1950-х гг., сделанное во время семейного седера. На фотографии запечатлена Роза Альтман, бабушка Бориса Ефимовича, в окружении семьи за столом, сервированным по случаю Песаха. На столе лежат маца и раскрытая книга, скорее всего, это «Агада» – руководство для проведения седера. В центре стола на тарелке стоит бокал с вином, вероятно, это бокал для

3. Семейный Седер на Песах. 1953. Фото из семейного архива Б. Е. Мурманского
Family Passover Seder. 1953. Photograph from the family archive of B. E. Murmanskyy

пророка. Мужчина (дядя Бориса Ефимовича) сидит за столом с покрытой головой, как и положено верующему еврею (рис. 3). Характерным является тот факт, что представители младшего поколения семьи, отмечавшей Песах, не подозревали о религиозной составляющей события. Владелец фотодокумента не знал, что на нем запечатлен момент седера.

Уже в конце 1950-х гг. общины СССР стали

устанавливать связи с Израилем, и в 1957 г. все синагоги СССР во время весенних праздников получили «посылки с мацой и другими ритуальными предметами» [Там же. Л. 238–239].

Ритуальные предметы. О сохранении традиций иудаизма в Свердловске косвенно свидетельствуют предметы религиозного культа, до сих пор хранящиеся в семьях горожан. Например, к ним относятся

четыре мезузы, которые были установлены на косяках дверей в одном из домов, где в советское время проживала еврейская семья. Мезуза (ивр., букв. – «дверной косяк») – пергаментный свиток с фрагментом Второзакония, хранящийся в небольшом футляре. Традиционно коробочки мезузы украшались чеканкой, инкрустацией, драгоценными камнями и крепились к дверному косяку жилого помещения, чтобы отделить внутреннее пространство от внешнего. Что касается указанных выше мезуз, некогда висевших в доме свердловчан и переданных родственниками одному из авторов статьи в 2020 г., то это металлические цилиндры (1 × 9 см), покрытые толстым слоем масляной краски, видимо, под цвет дверей. Верующие сделали все возможное, чтобы мезузы в их доме оставались незаметными и не выдали религиозную принадлежность хозяев. Также рассказы о мезузах в домах пожилых людей были записаны во время интервью. В некоторых семьях екатеринбуржцев продолжают храниться молитвенные облачения их отцов и дедов – талесы (талиты) – покрывала с кисточками и тфилины – черные кожаные коробочки с фрагментами Торы, которые повязывают ремешками на руку и лоб во время молитвы, а также молитвенники, бокалы для вина, над которыми произносится кидуш – благословение во время праздника, и подсвечники.

Часть вещей, некогда принадлежавших евреям, уехавшим в Израиль или ушедшим из жизни, была передана в еврейские организации, начавшие создаваться в Свердловске с конца 1980-х гг. Так, в собрании Екатеринбургского еврейского культурного центра «Менора» хранятся элементы молитвенного облачения, молитвенники, свитки Эстер, ритуальная посуда – бокалы для вина и подсвечники, используемые в шаббат, бокалы для вина и кеары – блюда-подносы для ритуальной еды, подававшейся во время пасхального седера.

* * *

Религиозная принадлежность являлась важнейшим элементом идентичности советских евреев и одновременно стигматизирующим фактором, что, наряду с другими обстоятельствами, обусловило быстрые темпы секуляризации именно в их среде. В условиях государственной атеистической политики активная религиозная жизнь представляла угрозу благополучию не только самих верующих, но и членов их семей. Почти все информанты начинали с утверждения, что их семья не была религиозной, многие были членами партии, но постепенно в процессе беседы удавалось получить интересный материал о том, в какой форме существовало знание о религиозном наследии и как оно передавалось из поколения в поколение. Религия продолжала присутствовать латентно и для большинства городских евреев – в форме традиций, поддерживавшихся на семейном уровне. Сохранение религиозных практик в условиях преследований и гонений и поддержка из-за рубежа отчасти объясняют взрыв интереса

к религиозной составляющей идентичности еврейского населения в позднесоветский период.

Анализ полевых материалов и сведений из отчетов уполномоченных по делам религиозных культов по Свердловской области позволил оценить размер и состав религиозной общины и отчасти реконструировать формы праздничной обрядности, бытовавшие в Свердловске в 1940–1950-е гг. Впечатление уполномоченного по делам религиозных культов о составе верующих подтверждается сведениями, полученными от информантов: немногочисленные прихожане синагоги – это люди старшего возраста, в основном женщины. При этом еврейская религиозная община Свердловска в середине XX в. являлась самой крупной и активной во всей области.

Центральное место в календарной обрядности занимал Песах: именно в этот день наибольшее число прихожан посещало синагогу. Столь же активно верующие отмечали в синагоге осенние праздники Йом Кипур, Рош ха-Шана и Суккот. В Хануку, как и на субботнюю молитву, людей в синагоге собиралось в разы меньше, а Пурим уполномоченный по делам религиозных культов вообще не заметил. Возможно, он проводился только в семьях и сводился к приготовлению сладких треугольных пирожков. Уход традиции в приватную домашнюю сферу (кухня, праздничные трапезы и т. д.) отмечался и в исследовании Г. С. Зелениной [Зеленина]. В качестве дополнительного свидетельства сохранения некоторых ключевых элементов праздничной обрядности в среде свердловских евреев может рассматриваться праздничная атрибутика.

Результаты пилотного исследования праздничной обрядности свердловских евреев в 1940–1950-х гг. убеждают в том, что основные ее элементы сохранялись и подпитывали их идентичность. Можно предположить, что такая ситуация существовала на большей части советского пространства. Косвенным аргументом здесь служит исследование, касающееся участия в религиозных праздниках русскоязычных евреев, эмигрировавших в Израиль, показавшее, что большая их часть «частично» или «иногда» отмечает еврейские праздники: они покупают в Песах мацу, зажигают свечи в Хануку, участвуют в пасхальном седере и празднуют Пурим [Ханин], то есть отмечают как раз те праздники, представления о которых сформировались в их советском детстве.

Список литературы

Амосова С. Н., Каспина М. М. Календарные праздники // Евреи / отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : Наука, 2018. С. 318–345.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1928. Т. 4. 423 с.
Всесоюзная перепись населения 1939 года : Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР // Демоскоп : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1616 (дата обращения: 25.05.2020).

Гительман Ц., Червяков В. В., Шапиро В. Д. Иудаизм в национальном сознании российских евреев // Вестн. Еврейск. ун-та в Москве. 1994. № 3 (7). С. 121–145.

Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Изв. Урал. федер.

ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. Т. 19. 2017. № 4 (169). С. 206–221. DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.074.

Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. «...По закону Моисея и Израиля»: брак за чертой оседлости (по материалам еврейской религиозной общины Екатеринбурга) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. Т. 20. 2018. № 4 (181). С. 9–26. DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.063.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18903/19887, 20684/22890.

ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524; Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 2.

Дымищ В. А. Еврейский лубок и еврейский народный театр // Традиционная культура : Поиски. Интерпретации. Материалы. СПб. : РИИИ, 2006. С. 140–151.

Екатеринбург от переписи к переписи : Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : стат. сб. Екатеринбург : Облстат, 2007. 83 с.

Заболотных Е. А., Главацкая Е. М. «Рассыпьтеесь, молодцы, за камни и кусты...»: жизнь и судьба евреев-кантонистов в Екатеринбурге. 1843–1858 гг. // Вестн. архивиста. 2021. № 2. С. 555–568. DOI 10.28995/2073-0101-2021-2-555-568.

Зеленина Г. С. «Вся жизнь среди книг»: советское еврейство на пути от Библии к библиотеке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 60–85.

ЛАЕЗ – Личный архив Елизаветы Заболотных. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–8; Ф. 3. Оп. 1. Д. 3.

Носенко-Штейн Е. В поисках самости : Изучение еврейской идентичности // Новое лит. обозрение. 2014. № 3. С. 71–95.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 89 т.] / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Слово, 1897–1905. Т. 31. Пермская губерния. 322 с.

Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург : Екатеринбург. стат. бюро, 1923. VIII, 226 с.

Федорова М. А. О верующих Свердловской области : отчет уполномоченного в Совет по делам религиозных культов при правительстве СССР (1954) // Документ. Архив. История. Современность. 2005. Вып. 5. С. 401–413.

Ханин В. Религиозная идентичность выходцев из бывшего СССР в Израиле // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 255–290.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111, 196.

Tolts T. Ethnicity, Religion and Demographic Change in Russia: Russians, Tatars and Jews // Evolution or Revolution in European population 2 (European Population Conference, Milan, 4–8 Sept. 1995. Contributed papers: sessions I–IV) / ed. M. Ch. Debernardi. Milan : EAPS and IUSSP, 1996. P. 165–179.

References

Amosova, S. N., Kaspina, M. M. (2018). Kalendarnye prazdniki [Calendar Holidays]. In Emel'ianenko, T. G., Nosenko-Stein, E. E. (Eds.). *Evrei*. Moscow, Nauka, pp. 318–345.

Dymshits, V. A. (2006). *Evreiskii lubok i evreiskii narodnyi teatr* [Jewish Woodblock Print and the Jewish Folk Theatre]. In *Traditsionnaya kul'tura. Poiski. Interpretatsii. Materialy*. St Petersburg, Rossiiskii institut istorii iskusstv, pp. 140–151.

Ekaterinburg ot perepisi k perepisi. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda. Statisticheskii sbornik [Yekaterinburg from Census to Census. Results of the 2002 All-Russian Population Census. Statistical Compilation]. Yekaterinburg, Oblstat, 83 p.

Fedorova, M. A. (2005). *O veruyushchikh Sverdlovskoi oblasti: otchet upolnomochennogo v Sovet po delam religioznykh kul'tov pri pravitel'stve SSSR (1954)* [On the Believers of Sverdlovsk Region: Report of the Commissioner to the Council for Religious Affairs of the USSR (1954)]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 5, pp. 401–413.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 62. List 1. Dos. 524; Stock R-854. List 1. Dos. 2.

Gitel'man, Ts., Chervyakov, V. V., Shapiro, V. D. (1994). *Iudaizm v natsional'nom soznanii rossiiskikh evreev* [Judaism in the National Consciousness of Russian Jews]. In *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*. No. 3 (7), pp. 121–145.

Glavatskaya, E. M., Zabolotnykh, E. A. (2017). Evreiskaya religioznaya obshchina Ekaterinburga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: chislennost' i instituty [The Jewish Religious Community in Yekaterinburg in the Late 19th – Early 20th Centuries: Number and Institutions]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 19. No. 4 (169), pp. 206–221. DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.074.

Glavatskaya, E. M., Zabolotnykh, E. A. (2018). "...Po zakonu Moiseya i Izrailiya": brak za chertoi osedlosti (po materialam evreiskoi religioznoi obshchiny Ekaterinburga) ["According to the Law of Moses and Israel": Jewish Marriages Outside the Pale of Settlement (with Reference to the Materials of the Yekaterinburg Jewish Religious Community)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 20. No. 4 (181), pp. 9–26. DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.063.

GAOOSO [State Archive of Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R-1. List 2. Dos. 18903/19887, 20684/22890.

Khanin, V. (2015). Religioznaya identichnost' vykhodtsev iz byvshego SSSR v Izraile [The Religious Identity of Immigrants from the Former USSR in Israel]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 3 (33), pp. 255–290.

LAEZ – Lichnyi arkhiv Elizavety Zabolotnykh [Personal Archive of Elizaveta Zabolotnykh]. Stock 1. List 1. Dos. 1–8; Stock 3. List 1. Dos. 3.

Nosenko-Stein, E. (2014). V poiskakh samosti. Izuchenie evreiskoi identichnosti [In Search of the Self: A Study of Jewish Identity]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3, pp. 71–95.

Statisticheskii sbornik Ekaterinburgskoi gubernii za 1922 g. [A Statistical Collection of Yekaterinburg Province for 1922]. (1923). Yekaterinburg, Ekaterinburgskoe statisticheskoe byuro. VIII, 226 p.

Tolts, M. (1996). Ethnicity, Religion and Demographic Change in Russia: Russians, Tatars and Jews. In Debernardi, M. Ch. (Ed.). *Evolution or Revolution in European Population 2 (European Population Conference, Milan, 4–8 Sept. 1995. Contributed papers: sessions I–IV)*. Milan, EAPS and IUSSP, pp. 165–179.

Troimitsky, N. A. (Ed.). (1897–1905). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. [v 89 t.]* [The First General Census of the Population of the Russian Empire, 1897]. St Petersburg, Slovo. Vol. 31. Permskaya guberniya. 322 p.

TsDOOSO [Centre for the Documentation of the Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 53. Dos. 111, 196.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [The All-Union Population Census of 1926]. (1928). Moscow, Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie SSSR. Vol. 4. 423 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya raionov, gorodov i krupnykh sel RSFSR [The All-Union Population Census of 1939. National Composition of the Population of Districts, Cities and Large Villages of the RSFSR]. (1939). In *Demoskop* [website]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1616 (accessed: 25. 05.2020).

Zabolotnykh, E. A., Glavatskaya, E. M. (2021). "Rassyp'tes', molodtsy, za kamni i kusty...": zhizn' i sud'ba evreev-kantonistov v Ekaterinburge. 1843–1858 gg. ["Hey, Guys, Hide behind Stones and Bushes...": The Life and Fate of Jewish Soldiers in Yekaterinburg, Russia: 1843–1858]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 555–568. DOI 10.28995/2073-0101-2021-2-555-568.

Zelenina, G. S. (2012). "Vsya zhizn' sredi knig": sovetское evreistvo na puti ot Biblii k biblioteke ["All Life Among Books": Soviet Jewry on the Path from the Bible to the Library]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 3–4 (30), pp. 60–85.

The article was submitted on 23.04.2021